

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470.25).045+94(470.25).046

ВЕЛИКИЕ ЛУКИ В СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Я. Н. Рабинович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории Великих Лук в один из самых драматических периодов истории России начала XVII в. Особое внимание уделено судьбе жителей этого города. Многие служилые люди Великих Лук сначала сражались на стороне польского короля Сигизмунда, а потом присягнули Михаилу Романову.

Ключевые слова: Г. Л. Валув, А. Лисовский, Сигизмунд III, разрядные записи, Бельский летописец, земельные пожалования, воевода, четвертные приказы, кормленные и расходные книги.

Velikiye Luki during the Time of Troubles

Ya. N. Rabinovich

The article describes the unknown pages of the history of Velikiye Luki during one of the most dramatic periods in the history of the early XVII century Russia. Particular attention is paid to the fate of the city's inhabitants. Many noblemen first fought in favor of the Polish king Sigizmund, and then swore allegiance to Mikhail Romanov.

Key words: G. L. Valuev, A. Lisovskiy, Sigizmund III, class records, Belskiy chronicler, land grants, voivode, rules governing feudal tenants, feeding and payment books.

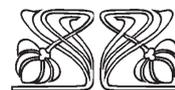
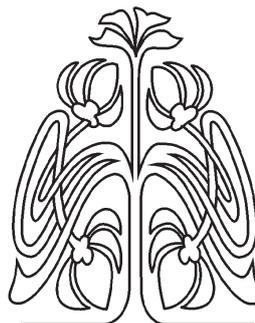
DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-127-137

О событиях в Великих Луках в первые годы Смуты, когда происходила борьба Бориса Годунова с Григорием Отрепьевым (Лжедмитрием I) и короткое царствование в Москве этого самозванца (1605–1606 гг.), практически ничего не известно.

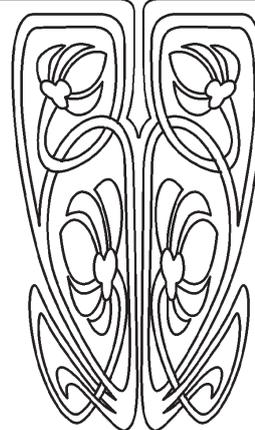
Служилые люди по отечеству из Великих Лук принимали участие в боях против Лжедмитрия I. В отличие от дворян и детей боярских из Северских и Рязанских городов, которые все «до одна человека» в мае 1605 г. под Кромами изменили молодому царю Федору Борисовичу Годунову и перешли на сторону «Ростриги Гришки Отрепьева», эти служилые люди северо-западных регионов не очень жаловали «царя Дмитрия». В одной из разрядных записей отмечено, что воеводы Василий Васильевич Голицын и Петр Федорович Басманов «Новгородских помещиков и Псковских и Лутцких князей и детей боярских с собою **подговорили немногих, и крест Ростриге целовали**»¹.

Известно, что часть великолукских помещиков участвовала в боях против отрядов Ивана Исаевича Болотникова. Еще летом 1606 г. во время боев под Кромами, после одного неудачного боя, как отмечено в разрядной записи, «*в полках ратные люди дальних городов Ноугородцы и Псковичи и Лучане и Торопчане и Замосковных городов под осен в полках быт не похотели... и учали ис полков развезжатца по домом*»².

В одном из поздних документов от марта 1614 г. участники боев против Болотникова подтвердили в Разряде награждение за эту службу своего сослуживца Ивана Ивановича Голенищева-Кутузова. В то время (март 1614 г.) эти помещики уже находились на службе новому царю Михаилу Романову. Среди таких свидетелей, товарищей по службе И. И. Голенищева-Кутузова, которые сражались в 1607 г. в войске царя Василия Шуйского против Ивана Болотникова на Пчельне, на Кашире, на

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

реке Вороней, а также участвовали в осаде Тулы, упоминаются 10 луцких помещиков. Приведем их имена: Арбузов Иван Никифорович, Бочкин Алексей Михайлович, Костянтинов Григорий Федорович, Марков Афанасий Иванович, Мякинин Михаил Андреевич, Нефедьев Федор Иванович, Скулеев Никита Иванович, Сунгуров Матвей Федорович, Тыртов Иван Романович, Языков Василий Деев³. А сколько их соратников не дожило до того времени, когда проводился сыск (прошло семь страшных лет Смуты)!

Позже, уже после свержения Василия Шуйского, вдова луцкого помещика Буслая Бибикова Татьяна в челобитной на имя польского короля Сигизмунда сообщала, что ее мужа убили под Белевом воровские люди в 115 году. Следовательно, луцкий помещик Буслай Бибиков участвовал в 1606/1607 г. в боях против Болотникова⁴.

Летом 1607 г. во время самых напряженных боев против Болотникова и самозванного царевича Петра Федоровича под Тулой в составе царских войск упоминаются «луцкие стрельцы»⁵.

В дальнейшем, во время похода Лжедмитрия II на Москву в 1608 г., главным оплотом этого самозванца на северо-западе стали Великие Луки.

Все началось с того, что служилые люди из Великих Лук, Заволочья, Невеля, Себежа, а также других псковских пригородов весной 1608 г. участвовали на стороне царя Василия Шуйского в боях против нового самозванца (Лжедмитрия II) под Болховом. Многие из них попали в плен к самозванцу, который их обласкал и отпустил по домам. В лагере Лжедмитрия II («табаре») псковичи находились очень короткое время, так как уже 9 мая 1608 г. (Николин день вешний) мы видим их на Псковщине. Псковские стрельцы – стрелецкий голова А. Огибалов и сотник М. Блаженников с «прелестными грамотами» от Вора смутили жителей, во всех чинах «пошли размышления всякие».

В одном из документов сохранились сведения о присяге Великих Лук, Невеля и Заволочья Лжедмитрию II. Это произошло еще 12 июля 1608 г. Воевода Великих Лук Федор Михайлович Плещеев, называя себя великолуцким наместником и воеводой царя Дмитрия Ивановича, писал 15 июля 1608 г. усвятскому подстаросте Юрию Каховскому, что 12 июля «били челом Великому государю Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю, всеа Руси Самодержцу, три города, Луки Великие, Невель, Заволочье». Напомним, что старостой Усвятским в то время был Ян Сапега, который вскоре стал тушинским гетманом.

Далее в письме Федор Плещеев сообщал, что именно он привел к присяге царю Дмитрию воевод, приказных и всяких людей этих трех городов (Лук, Невель и Заволочья).

Федор Плещеев требовал, чтобы Усвятский подстароста Каховский запретил своим людям грабить Луцкий, Невельский и Заволоцкий уезды, произвел сыск и «тем ворах порубежным всяким людям закон крепкий учинил», чтобы между царем

Дмитрием и королем Сигизмундом «было тихо и безмятежно и безздорно»⁶.

Лжедмитрий II в конце июля 1608 г. отправлял грамоты в присягнувшие ему города (Торопец, Луки, Невель и Заволочье). В то время в Тушино в стан самозванца уже прибыли гонцы из Лук и Торопца. Этим гонцов посадского лучанина Казаринко Максимова и торопчанина Петрушку Путятина перехватили «с воровскими грамотами» люди Василия Шуйского недалеко от Погорелого Городища. Эти грамоты были доставлены в крепость Белая и переданы воеводе этой крепости Борису (Богдану) Собакину⁷.

В этих грамотах самозванец приказывал своим людям в Торопце, Луках, Невеле и Заволочье перехватить литовских послов и не пропустить их в Литву. Среди этих «послов и панов» были Александр Гонсевский и Николай Олесницкий, а также Марина Мнишек со своими родственниками и слугами, отпущенными Василием Шуйским в июле 1608 г. после заключения договора с королем Сигизмундом. В итоге, Марину Мнишек тушинцы перехватили и привезли в Тушино к самозванцу, а послы Гонсевский и Олесницкий сумели кружным путем добраться до Велижа.

После переворота в Пскове 1 сентября 1608 г., когда власть в городе перешла к тушинскому воеводе из Великих Лук Федору Михайловичу Плещееву, в Псков были отправлены из Тушина новые воеводы. Летописец называет православного воеводу «литвина» Андрея Троянова Порецкого и лютеранина пана Побединского, а после них – князя Александра Федоровича Жирового-Засекина.

Новгородцы неоднократно предпринимали попытки захватить Псков. Наиболее опасным для Пскова был поход новгородцев и шведов летом 1610 г., во главе которого стояли воеводы В. Т. Долгоруков и Г. К. Волконский. Псковичи обратились с просьбой о помощи в борьбе против новгородцев и шведов к тушинскому военачальнику Александру Лисовскому. С прибытием этого авантюриста, одного из самых удачливых польских командиров, обстановка на северо-западе резко изменилась. Следует отметить, что не только казаки, но и многие служилые люди по отечеству, дети боярские, считали для себя большой честью служить под его командованием. Лисовский пользовался огромной популярностью среди служилых людей низшего звена.

Летописец писал: «Пришел Олисовской пан с литовскими людьми и с Черкасами, да воевода Андрей Просовецкий с казаками на Великие Луки и по челобитью Псковскому во Псков». Лисовский вначале из Великих Лук направился в Порховский уезд, а затем – в Псков. По мнению В. А. Аракчева, Лисовский появился в Великих Луках после 15 июля 1610 г.⁸

До прибытия в Великие Луки, в мае – июне 1610 г., Лисовский разорил Калязин монастырь, а потом безуспешно пытался захватить Тверь и Торопец. Приступ лисовчиков к торопецкому

острогу был отбит. Понеся значительные потери, Лисовский в начале июля 1610 г. направился в Великие Луки, жители которого продолжали поддерживать Лжедмитрия II. Отметим, что Торопец и Великие Луки в первые годы Смуты и позднее были врагами, как Псков с Новгородом. Известны частые набеги из Торопца к Великим Лукам и наоборот. Торопец поддерживал Василия Шуйского, а затем – освободительное движение, а Великие Луки – самозванца, а позднее – польского королевича Владислава. Некоторые служилые люди бежали из одного города в другой. С обеих сторон их считали изменниками, а их поместья передавали другим служилым людям.

Следует, правда, сделать одну оговорку насчет служилых людей из Великих Лук. Некоторые луцкие помещики поддерживали царя Василия Шуйского в борьбе против самозванца. Хорошо известен Григорий Леонтьевич Валуев, его дальний родственник, луцкий помещик Степан Андреевич Валуев, стряпчий Иван Григорьевич Валуев (сын Г. Л. Валуева). Один из документов позволяет расширить число лучан, которые находились в Москве и обороняли столицу от тушинцев. Сохранилось сыскное дело о даче денежного жалования Науму Михайловичу Плещееву. Этот представитель весьма разветвленного рода Плещеевых известен тем, что организовал в июне 1605 г. вместе с Г. Г. Пушкиным восстание в Москве с целью свержения Федора Борисовича Годунова и присяги москвичей Григорию Отрепьеву. Однако позже Н. М. Плещеев стал одним из немногих Плещеевых, кто поддерживал Василия Шуйского в борьбе против Лжедмитрия II. За оборону Москвы от тушинцев, «за московскую службу и осадное сиденье» царь Василий Шуйский в 1610 г. наградил Наума Плещеева придачей к прежнему окладу в 50 рублей еще 40 рублями. Позже, уже при Михаиле Романове, в связи с пропажей многих документов надо было как-то подтвердить это новое жалование. Поэтому в ходе сыска дьяки искали свидетелей и соратников по службе Наума Плещеева, кто вместе с ним сражался на стороне Василия Шуйского против тушинцев. Среди этих соратников Наума Плещеева мы видим, кроме Степана Андреевича и Ивана Григорьевича Валуевых, также помещиков из Великих Лук Петра Максимовича Лукомского, Петра Ивановича Мусорского, Алексея Михайловича Бочкина, Григория Бухвостова. Все они в 1609–1610 гг. сражались против тушинцев на стороне Василия Шуйского в центре страны, находились далеко от мятежных Великих Лук. Многие из этих людей осенью 1610 г. отправятся из Москвы вместе с Григорием Леонтьевичем Валуевым освобождать Великие Луки от тушинцев⁹.

Летом 1610 г. воеводами в Великих Луках были князь Василий Андреевич Шаховской и Петр Андреевич Горяинов, а стрелецкий гарнизон возглавлял голова Леонтий Кашинцев. Они подчинялись главному тушинскому военачальнику на северо-западе Федору Михайловичу Плещееву,

который в июне – июле 1610 г. отправился из Лук к Пскову с денежной казной для псковских служилых людей¹⁰.

Весной 1610 г., судя по отписке этих воевод усвятскому старосте Яну Петру Павловичу Сапеге, Лжедмитрия II продолжали поддерживать не только Великие Луки и Псков, но и Ивангород, Ям, Себеж, Опочка, Заволочье. Ян Сапега в письме великолуцким воеводам, которое доставили 5 мая в Луки посадский человек «*Лучанин Казаринко Максимов и Фомка Федоров*», сообщал, что он находится в Усвятах, что царь Дмитрий жив и здоров. При этом Сапега в подтверждение своих слов, отправил грамоту Лжедмитрия II, списки с которой воеводы должны были передать во все города, поддерживавшие Тушинского вора. Следует отметить, что лучанин Казаринко Максимов ранее уже ездил в Тушино (в июле 1608 г.), тогда же он был задержан при возвращении воеводами Василия Шуйского.

Воеводы Великих Лук в ответ сообщали Яну Сапеге, что в соответствии с его приказом они послали к нему в Усвят представителей из этих городов с грамотами о том, что эти города по-прежнему остаются верны «царю Дмитрию»: «*И мы к тебе послали Псковских, и Ивангородских и Ямских и Себежеских и Опотских и Луцких и Заволотских гонцов*». Я. Сапега, отправляясь из Усвята к Лжедмитрию через месяц после Пасхи («после Велице дня на пятой недели в четверг»), собирался взять с собой этих гонцов, в том числе из Себежа. Также по указанию Сапег воеводы Великих Лук должны были пленных поляков и казаков из полка пана Костенецкого и Друшляка, захваченных ранее в ходе боевых действий, отпустить к пану Костенецкому и Друшляку. Упомянутые Костенецкий и Друшляк (Дуршлак), как выяснил И. О. Тюменцев, были командирами полков запорожского войска, они упоминаются в «Дневнике» Я. Сапег в июне – июле 1610 г. во время второго похода Лжедмитрия II из Калуги на Москву¹¹. Возможно, что в течение мая – июня 1610 г. эти полки запорожцев прибыли к самозванцу в Калугу.

Но вернемся к событиям начала мая 1610 г. Воеводы Великих Лук князь Василий Шаховской и Петр Горяинов сообщали Я. Сапеге, что некоторые пленные ранее были разосланы в другие города (Заволочье, Себеж, Опочка и др.), туда они уже отправили гонцов с указанием освободить этих пленных. Со своей стороны воеводы Великих Лук просили Сапегу помочь вернуть в Великие Луки русских пленных, которые находились в плену у пана Костенецкого. Этот документ от 7 мая 1610 г. «*писан в вотчине великого государя нашего царя и великого князя Дмитрия Ивановича, всеа Руси на Луках Великих*»¹². Вскоре после отъезда Сапег на юг на Псковщине появился его соратник по совместным походам к Троице-Сергиеву монастырю Александр Лисовский.

В июле и августе 1610 г. Великие Луки были основной базой войска Лисовского. Из Великих

Лук лисовчики совершали набеги на Порхов, они разорили южные погосты Порховского уезда. О пребывании Лисовского на Порховской земле прямо говорится в Псковской повести «О смятении и междоусобии...»: «Псковичи же слышавше пана Лисовского с Литвою и Рускими людьми стояща в Новгородской земли, в Порховщине, послаша к нему бити челом, чтоб он шел во Псков с русскими людьми»¹³. Узнав о диверсии Лисовского в районе Порхова, воеводы В. Т. Долгоруков и Г. К. Волконский вынуждены были прекратить осаду Пскова и срочно идти на защиту Порхова. Воеводы опасались удара с тыла со стороны воинов Лисовского.

Пока происходили эти события на северо-западе обстановка в центре страны изменилась коренным образом в связи с разгромом поляками русско-шведской армии, свержением царя Василия Шуйского, созданием нового московского правительства Семибоярщины, присягой москвичей польскому королевичу Владиславу и вводом в столицу польского гарнизона. Теперь всеми делами в Москве распоряжался комендант Александр Гонсевский, велижский староста. Одним из первых присягнул польскому королю Сигизмунду и королевичу Владиславу Григорий Леонтьевич Валуев, энергичные действия которого, подкрепленные вооруженной силой, способствовали присяге москвичей польскому королевичу. Эти действия Григория Валуева по достоинству были оценены польским королем, который в это время продолжал осаждать Смоленск.

С другой стороны, после поражения при Клушино (24.6.1610) прежний шведский союзник царя Василия Шуйского Якоб Делагарди отступил к Новгороду и приступил к захвату Новгородской земли.

С этого времени ситуация на Псковщине стала определяться соотношением ряда сил: с одной стороны – поляков и Семибоярщины, интересы которых представляли Иван Михайлович Салтыков (сын лидера Семибоярщины М. Г. Салтыкова) и Григорий Валуев, с другой стороны – сторонников Лжедмитрия II, который превратился в злейшего врага поляков, с третьей стороны – шведов. Впрочем, шведская угроза первое время была не особенно заметна. Следует также учесть, что в это время (с осени 1610 г.) многие прежние польские сторонники Лжедмитрия II (в том числе А. Лисовский) перешли на службу польскому королю.

Вскоре после присяги москвичей королевичу Владиславу новое пропольское правительство Семибоярщины под предлогом защиты (освобождения) Великих Лук от сторонников Лжедмитрия II, а также для присяги новгородцев Владиславу, отправило из Москвы Ивана Михайловича Салтыкова с крупным отрядом стрельцов, казаков и детей боярских. В Новом летописце сказано: «Михайло же Салтыков начал умышлять с Литовскими людьми, как бы ратных людей разослать из Москвы всех. И умыслил с ними, и вмениша то, что Луки Великие взяли, и идут под Новгород. И послал Михайло Сал-

тыков сына своего Ивана, да с ним князя Григория Волконского и с ним ратных людей дворян и детей боярских и атаманов станицами и стрельцов Московских многих. То первая рассылка ратным людям с Москвы в Новгород»¹⁴. 16 октября 1610 г. в лагерь польского короля под Смоленском пришло донесение из Москвы от гетмана Жолкевского, в котором говорилось, что «в Торопец, Луки, Себеж, Невель, Заболотье (Заволочье. – Я. Р.), Опочку, Остров, Псков отправился Григорий Валуев»¹⁵.

Перед походом Г. Л. Валуев 10 (20) сентября 1610 г. получил от короля Сигизмунда земельные пожалования в Великих Луках и в трех губах Псковского уезда. Эти области Григорий Валуев должен был привести к присяге королевичу Владиславу. Также Г. Л. Валуев получил 50 рублей придачи к прежнему денежному окладу в 100 рублей. К этому времени он уже был думным дворянином¹⁶.

20 (30) октября 1610 г. Григорий Валуев получил от короля Сигизмунда новые земли в Псковском, Великолуцком и Невельском уездах¹⁷. В это время он воевал с переменным успехом под Великими Луками с противниками королевича Владислава.

В своем донесении польскому королю Сигизмунду боярин И. М. Салтыков писал, что отправил под Торопец и Великие Луки Григория Леонтьевича Валуева для принятия присяги. В Торопце воевода Александр Чоголов и прочие крест целовали», а Луки – отказались. 14 октября 1610 г. Г. Л. Валуев, взяв с собой ратных людей и наряд в Торопце, пошел под Луки Великие «и пришел, и хочет над Луками и воровскими людьми промыслить». В этом документе прямо говорится, что в составе отряда Григория Валуева были служилые люди из Лук, Невеля, Ржевы Пустой и даже Пскова: «Послал дворян и детей боярских Торопчан, Лучан, Пусторжевцев, Невлян, Пскович, Белян»¹⁸.

Узнав о зверствах литовских людей в Торопецком уезде (о чем жаловался сам Салтыков королю Сигизмунду), жители Великих Лук и Невеля решили не подчиниться приказам Салтыкова: «Слыша про их такое разоренье, Луки Великие и Невель хотят от них сидети в осаде, и Вам, великим Государям, креста целовати не хотят»¹⁹.

Первая попытка Григория Валуева укрепиться в Великих Луках закончилась неудачно. Всею виной оказался бывший тушинский воевода и соратник Александра Лисовского казачий атаман Андрей Просовецкий.

Уже говорилось, что тушинские военачальники Лисовский и Просовецкий в августе 1610 г. прибыли на помощь Пскову. Вскоре псковичи отправили таких опасных союзников на север для борьбы со шведами, которые осадили псковские пригороды Ям и Ивангород. Потерпев в дальнейшем ряд неудач под Ямом от шведского военачальника Эверта Горна, Лисовский и Просовецкий в сентябре 1610 г. повернули назад к Пскову. В это время на север проникли известия о присяге москвичей Владиславу, были получены грозные

письма от И. М. Салтыкова, а также письма польского короля, в которых он прощал Лисовского за его прежние грехи.

В источниках говорится о боях между бывшими соратниками по тушинскому лагерю Лисовским и Просовецким в районе Гдова. Казаки Просовецкого и слышать не хотели о присяге новому московскому царю, польскому королевичу Владиславу, не желали вступать в союз с польским королем и литовским гетманом Ходкевичем. Известно, что Лисовский вел переговоры о совместных действиях против шведов с гетманом Ходкевичем. О контактах Лисовского и польского ставленника в Новгороде боярина И. М. Салтыкова сведений не сохранилось, но они теперь становились союзниками, поддерживая нового царя Владислава Сигизмундовича, чего нельзя сказать о казаках Просовецкого. Об этих событиях так писал сам И. М. Салтыков королю Сигизмунду: *«Октября в 16 день приехали ко мне в Новгород от воровских людей, от Лисовского, татары – Янгильдей Янсупин с товарищи 30 чел. И в расспросе сказали, что Лисовский пришел было под Псков; и которые казаки были с Лисовским да с Андреем Просовецким со всеми казаками от Лисовского отстали, и от самого Ивангорода по Псков у них меж себя с Лисовским был бой и убили де меж себя на обе стороны с тысячу человек и подо Псковом де разорвались: Лисовский с Немцы и с Литвою стал пятьдесят верст от Пскова в Острове, а с ним немцы и черкасы. А Просовецкий стал с казаки двадцать верст от Пскова»*²⁰.

Псковский летописец также сообщает, что *«Лисовский с Литвою и с немцами мимо Пскова шел, и стал в пригородах Псковских»*. Псковичи не пустили к себе ни Лисовского, ни Просовецкого. Автор Нового летописца также отмечает, что при возвращении из-под Ивангорода в Псков казаки Просовецкого *«...тут с Литовскими людьми разошлись»*²¹.

В конце октября – начале ноября 1610 г. Просовецкий со своими казаками-тушинцами двинулся в сторону Москвы. Путь его отряда проходил через Великие Луки. Теперь Просовецкий, фактически, начал борьбу против польского короля Сигизмунда и его воеводы Григория Валуева. В первом сражении Валуев потерпел поражение и вынужден был бежать из Великих Лук в лагерь короля под Смоленск за помощью. В Новом летописце отмечено: *«Той же Андрей Просовецкий поиде в луцкой уезд и шелся с Григорием Валуевым под Луками Великими, и Луки Великие взяша и высекоша и выжгоша»*²². Некоторые исследователи считают, что слово «сшелся» в Новом летописце означает «соединился» и что здесь речь идет о совместных боевых действиях против общего врага. Врагами Г. Л. Валуева в то время в Луках могли быть только сторонники Лжедмитрия II, ведь Василий Шуйский уже находился в польском плену, а освободительное движение против поляков еще не возникло. И. О. Тюменцев так пишет о событиях, произо-

шедших после взятия Лисовским и Просовецким Вороноча: *«Здесь пути А. Лисовского и казаков разошлись. Русские воины отряда лисовчиков, соединившись с отрядом А. Посовецкого, ушли к Великим Лукам. Здесь бывшие тушинцы присоединились к правительственному отряду Г. Валуева и помогли ему «высечь» Великие Луки»*²³.

Все же, по мнению автора этих строк, логичнее будет такая последовательность событий в Луках: сначала власть в городе была в руках сторонников самозванца Лжедмитрия II (до октября 1610 г.), затем – у польского ставленника Григория Валуева (октябрь – ноябрь), а потом – у врага поляков и Валуева Андрея Просовецкого (ноябрь – декабрь), которого, как увидим далее, зимой 1610/1611 г. снова изгонит из города Григорий Валуев.

Что касается дальнейшей судьбы Лисовского и Просовецкого, то с осени 1610 г. пути бывших соратников-тушинцев разошлись: Просовецкий весной 1611 г. стал одним из руководителей ополчения Ляпунова под Москвой, а Лисовский получил прощение от польского короля и в дальнейшем действовал по его указаниям в союзе с Григорием Валуевым. Летописец отмечал, что Лисовский *«воел мало не четыре года на Псковщине»*, продолжая совершать нападения на псковские пригороды. По словам летописца, Лисовский *«многие пакости творит во Псковщине, с Детьми Боярскими Русскими и с Литвой, подо все пригороды, яко волк искрадом хватая и поядая»*²⁴. Позже, в 1614–1616 гг., мы видим Лисовского под Смоленском, Орлом и в других местах (он умер в 1616 г.).

Но вернемся к событиям в Великих Луках зимой 1610/1611 г., 6 декабря 1610 г., отправляя Григория Валуева из-под Смоленска в новый поход к Великим Лукам, король одновременно послал грамоты на Псков, Ям, Копорье, Ржеву Пустую, Невель и Луки, требуя, чтобы жители присягнули ему, Сигизмунду, как своему государю, «шtbody обратились ко господарю»²⁵.

Григорий Валуев сумел подчинить польскому королю Великие Луки и Невель. В конце декабря 1610 г. в канун Рождества Григорий Валуев со свежими силами внезапно напал на Великие Луки и снова укрепился в этом городе. Об этом сообщает псковский летописец, который внимательно следил за тем, что происходило в Великих Луках: *«Того ж лета на рождество Христова Григорий Валуев, пришед от короля из-под Смоленска, Литвы и детей боярских Русских собрав, и пришед в ночи искрадом Луки Великие высек, многое множество православных христиан, и выжсег»*²⁶.

Об этих боях Григория Валуева под Великими Луками позже во время переговоров под Смоленском осенью 1615 г. вспоминали польские комиссары, когда приводили примеры совместной борьбы русских и поляков против сторонников самозванца: *«А иных ратных людей в тую ж пору послал пан гетман с Григорьем Валуевым, очищати Великих Лук и иных городов, которые еще были за вором, а иных послал с боярином с*

Иваном Михайловичем Салтыковым на Новгородскую Украину, очищать ее от Немец. И на тех на боех с воровскими и с Немецкими людьми за Московское господство много братья наше полегло, а Великие Луки и иные места к Московскому господству очистили»²⁷.

По-видимому, казаки Просовецкого, сторонники Лжедмитрия II, потерпев поражение от отрядов Г. Валуева, только теперь отправились дальше к Москве, куда прибыли в марте 1611 г. По пути они узнали, что в декабре 1610 г. их царь Дмитрий Иванович был убит в Калуге Петром Урусовым. Вскоре большинство сторонников самозванца во главе с князем Д. Т. Трубецким и атаманом Иваном Заруцким присоединились к освободительному движению против поляков и Семибоярщины, которое возглавил Прокопий Ляпунов.

В дальнейшем Великие Луки и его воевода Григорий Валуев вплоть до лета 1613 г. вместе с Невелем и Ржевой Пустой (Заволочьем) будут поддерживать поляков и Лисовского. Многие луцкие дети боярские находились среди лисовчиков. Ряд помещиков Луцкого уезда вслед за Григорием Валуевым присягнули королевичу Владиславу и получили новые земельные пожалования от польского короля.

Попытаемся выяснить, кто же из луцких помещиков в 1611–1612 гг. сражался на стороне польского короля Сигизмунда и королевича Владислава вместе с Григорием Валуевым. 30 октября 1610 г. получил от польского короля Сигизмунда земельные пожалования Семен Федорович Хомутов – поместье в Луцком уезде²⁸.

Среди челобитчиков королю Сигизмунду (январь 1611 г.) можно назвать нескольких помещиков из Великих Лук. Луцкий помещик Мокей Ретнев (Петнев?) просил поместье вдовы Дарьи, а другой луцкий помещик Абрам Внуков Тютчев – поместье деда Третьяка и отца Внука в этом же уезде²⁹. 30 января 1611 г. уже известный нам Петр Лукомский и Федор Арбузов получили от польского короля поместья в Луках и на Невеле³⁰.

В данном источнике (Реестр жалованных листов и Реестр челобитий из Литовской метрики) весь текст, включая названия населенных пунктов и имена, дается на польском языке, поэтому возможны искажения в названиях.

Воевода Великих Лук Григорий Валуев вместе со своим родственником Степаном Андреевичем Валуевым в 1611 г. в челобитной королю Сигизмунду и королевичу Владиславу просили дать им в Невельском уезде «на Невле Николскую волостку Плиского в вотчину». Оба Валуевых хотели отказаться от своих старых поместий в Луках «в Дунавском, и в Михайловском и в Селчиском стану село Трубы да село Путилово», которые были разорены, «по воровскому указу были в роздаче и от воров запустело». Эти разоренные поместья в Луцком уезде челобитчики Валуевы просили «взяти на себя на государя», предлагали превратить их в дворцовые земли³¹.

Пока польский король Сигизмунд укреплял свое влияние в пограничных городах северо-запада, на историческую арену выходит новое лицо, неожиданно воскресший царевич Дмитрий, который в марте 1611 г. появился в Ивангороде, а летом 1611 г. предпринял поход на Псков. С другой стороны – в результате захвата Новгорода шведами в июле 1611 г. теперь уже новгородцы и шведы в августе 1611 г. предпринимают поход на Псков, чтобы установить контроль над городом и псковскими пригородами. Еще одна сила, которая постепенно начинает набирать своих приверженцев – освободительное движение против поляков под Москвой. К руководителю Подмосковного ополчения Прокопию Ляпунову псковичи отправляли своих гонцов с просьбой о помощи, но так и не дождались ее. Им пришлось принимать решение в пользу воскресшего царевича Дмитрия.

Этот самозванец, Лжедмитрий III (Псковский вор Сидорка), укрепившись в декабре 1611 г. в Пскове, повел борьбу против шведов и новгородцев, а также против поляков и их ставленников – Лисовского и Валуева. С другой стороны, Лисовский, действуя по плану польского короля, совершал набеги на псковские пригороды, а весной 1612 г. захватил Заволочье.

По-видимому, между Григорием Валуевым в Великих Луках и Невеле и Александром Лисовским в Заволочье в 1612 г. установились дружественные отношения, ведь они оба находились в то время на службе у польского короля.

Что касается Григория Валуева, то осенью 1611 г. его люди потерпели тяжелое поражение под Луками от отрядов Подмосковного ополчения Трубецкого и Заруцкого. Здесь основными героями событий выступают служилые люди из Торопца и воевода этого города князь Семен Никитич Гагарин. Уникальная информация об этих событиях, сведения о которых по другим источникам пока обнаружить не удалось, содержится в Бельском летописце.

Отметим, что специальные работы о Торопце в Смутное время отсутствуют. Поэтому большую ценность имеет следующая запись в Бельском летописце о событиях лета – осени 1611 г.: «А луцком взятъе. Того же году летом посылал ис Торопца князь Семен Васильевич Прозоровской под Луки Великие на литовских людей товарища своего князя Семена Гагарина с ратными людьми разных городов. И князь Семен Гагарин пришед под Луки Великие изгоном, и Луки Великие город взял, и в городе поляков пана Воина Есинетцкого с товарищи взяли, и Луки Великие выжгли. А руские люди с Лук Великих разошлись по городам Московского государства, а Луки Великие покинули пусты и без остатков»³².

О судьбе Григория Валуева в Бельском летописце ничего не говорится. Возможно, он в это время отсутствовал в Луках. В этом городе Валуев оставил своего помощника пана Воина Есинецкого. В результате внезапного нападения отряда Семена

Гагарина на Луки значительная часть гарнизона во главе с Есинецким была захвачена в плен. Перед возвращением в Торопец Семен Гагарин приказал выжечь до основания эту укрепленную польскую крепость Великие Луки. С 1612 г. сведения о Великих Луках надолго пропадают в источниках. После избрания Михаила Романова в этот город воеводы долго не назначались. Служилые люди и жители Великих Лук разошлись по окрестным уездам. Значительная часть их ушла с Григорием Валуевым в Невель и Ржеву Пустую, некоторые присоединились к освободительному движению против поляков и перебрались в Торопец. С конца 1611 г. основной базой польского ставленника Григория Валуева стал Невель.

Успешный поход Семена Гагарина против Великих Лук, оплота польского короля Сигизмунда на Северо-Западе, несколько облегчил положение Пскова, которому угрожали враги со всех сторон.

Летописец неслучайно подчеркивает, что основную массу служилых людей у Лисовского в это время составляли местные помещики, «русские дети боярские».

Попробуем составить далеко неполный список луцких служилых людей по отчеству, которые могли входить в отряды Лисовского и Валуева в это время (весна – осень 1612 г.). Примем во внимание, что многие луцкие помещики из-за разорения своих земель стали пусторжевскими и невелискими помещиками. Естественно предположить, что все, кто летом 1612 г. писал челобитные королю Сигизмунду о пожалованиях, в этот период не принимали участия в освободительном движении против поляков, не присягали шведскому королевичу, не подчинялись новгородской администрации, а продолжали верно служить Семибоярщине и королевичу Владиславу. Из нескольких сотен имен, кому были пожалованы польским королем поместья **в августе 1612 г.**, выберем только тех, кто имеет отношение к нашему региону. Эти пожалования в Вильно скреплял своей подписью и печатью канцлер Лев Сапега. Везде говорится, что эти поместья были пожалованы челобитчикам «за службу». Практически по всем челобитным принималось положительное решение о пожаловании, в некоторых случаях помещик-челобитчик получал часть пожалований (он просит дать два поместья, а ему дают одно). Вполне возможно, что не все челобитчики верно служили королю Сигизмунду с лета – осени 1610 г., как Г. Л. Валуев или как русские тушинцы с февраля 1610 г. Некоторые помещики перешли на службу Сигизмунду и Владиславу после свержения и ареста псковичами Лжедмитрия III лишь в мае – июне 1612 г. Эти лица также упоминаются среди челобитчиков. О продолжительности службы королю иногда говорится в челобитной («служу я тебе вот уже третий год»), но во многих челобитных такой фразы нет.

В своей челобитной луцкий помещик Степан Андреевич Валуев писал, что его поместье в Луках «ныне запустело от воинских людей». Поэтому

он просил дать ему на прокорм поместье Алексея Лихарева в Невельском уезде³³. Из данной челобитной мы узнаем, что Алексей Лихарев был убит на службе королю, а жена и дети Лихарева находятся в Пскове (Псков в то время признавал власть Подмосковского ополчения Дмитрия Трубецкого и оставался врагом поляков). Одновременно этот Степан Андреевич Валуев просил поместье Федота Карцова в Луцком уезде (Ф. Карцов убит, жены и детей нет)³⁴.

Сохранилось очень мало челобитных о пожаловании поместий в Луцком уезде. Среди таких помещиков можно назвать Богдана Креницына и Алексея Тыртова. Луцкий помещик Богдан Захарьев Креницын просил выморочное поместье Торха Губачевского в Луках Великих (тот убит, жены и детей нет)³⁵. Другой луцкий помещик Алексей Афанасьевич Тыртов с окладом 550 четей писал, что имеет в Луках только 440 четей. Он просил в Луцком уезде в Жижецкой волости выморочное поместье Афанасия Бибикова, который был убит в Луках, а жены и детей у Бибикова нет³⁶.

Еще один луцкий помещик Данила Федорович Алексеев просил дать ему поместье дяди Чоглока Алексеева, который умер³⁷.

Луцкий уезд к 1612 г. был сильно разорен, поэтому некоторые луцкие помещики хотели получить поместья в соседнем, менее разоренном, Невельском уезде. Например, луцкий помещик Григорий Прокопьевич Мякинин просил дать ему в Невельском уезде выморочное поместье Ждана Синцова (Ждан Синцов убит, жены и детей нет). По его делу было принято положительное решение: «Дать за его службу»³⁸.

Другой луцкий помещик Иван Федорович Арбузов писал в челобитной, что его поместный оклад 550 четей, а он имеет в Луках только 115 четей. Иван Арбузов просил в Невельском уезде в Каратаевском стане поместья Василия и Григория Ивановичей Лавровых. И. Ф. Арбузов сообщал, что Василий и Григорий Лавровы убиты в воровстве (возможно, служили раньше самозванцу или поддерживали Подмосковное ополчение), жен и детей нет³⁹.

Особый интерес представляет челобитная невелиского головы стрелецкого Петра Максимовича Лукомского (который раньше был в Великих Луках), одного из руководителей города, первого помощника Григория Валуева, в подчинении которого находились несколько сотен стрельцов. Он сообщал, что его оклад 800 четей, поместья у него в Луках и Невеле 600 четей. Петр Лукомский просил в Невельском уезде поместье Алая Львова 150 четей (после смерти Алая Львова это поместье было отдано вдове, она умерла, детей нет). По данной челобитной было принято положительное решение: «Пожаловали голову стрелецкого Петра Лукомского за его службу тем Алаевской жены Львова прожиточным поместьем»⁴⁰.

Это далеко неполный список помещиков, которые продолжали служить летом 1612 г. королю

Сигизмунду, в то время как под Москвой разворачивались бои ополчения Минина и Пожарского с гетманом Ходкевичем и польским гарнизоном. Большинство данных челобитных было написано в конце весны – начале лета 1612 г. Думается, что эти помещики и их потомки не любили позже вспоминать об этой службе польскому королевичу Владиславу и королю Сигизмунду, они очень хотели, чтобы эти документы не стали достоянием гласности. Ведь между челобитными конца 1610 г., когда многие верили в православного царя Владислава, и челобитными лета 1612 г., когда стали ясны для всех планы польского короля, существует большая разница.

Ситуация изменилась через полгода после избрания Михаила Романова на царство, вскоре после того как на Северо-Западе узнали о венчании нового царя (это произошло в июле 1613 г.). С августа – сентября 1613 г. луцкие помещики, находящиеся вместе с Григорием Валуевым в Невеле, переходят на сторону Михаила Романова. Теперь они начинают активно сражаться против своих прежних хозяев – польского короля Сигизмунда и его сына королевича Владислава.

Те луцкие помещики, которые ранее бежали в Торопец и воевали на стороне Подмосковного ополчения против поляков еще с весны 1611 г., приняли участие в избрании царем Михаила Романова, они находились в Москве зимой – весной 1613 г. вместе с торопецкими помещиками. Среди них – Исак Байков, луцкий помещик, который весной 1613 г. находился в Москве, где ему по его челобитной дали поместье в Торопце вместо старого луцкого поместья⁴¹.

Другой луцкий помещик Григорий Голенищев также находился в Москве в марте 1613 г. Он получил приказ служить впредь в Ржеве Володимирове. Ранее у него было выслуженное поместье его отца в Луках в размере 400 четей⁴².

Основная масса луцких помещиков, перешедших на сторону нового правительства Михаила Романова и получавших жалование в московских четвертях, была подведомственна Устюжской четверти, а также (в меньшей степени?) Галицкой и Костромской четвертям. Все эти четверти были центральными московскими финансовыми органами, туда поступали налоги из разных регионов страны, а из этих четвертей выдавалось жалование высшим разрядам служилых людей, так называемым четвертчикам.

О многих четвертчиках Устюжской чети известно благодаря сохранившейся почти полностью Расходной книге этой четверти 7127 года. Не беда, что начало данной книги утрачено. В этой утраченной части указаны четвертчики с очень большими окладами. Такие оклады (свыше 230 рублей) помещикам Великих Лук даже не снились. Хуже другое. В этой книге приведены сведения лишь за 1618 год, здесь указаны служилые люди, жившие в то время в последний год Смутного времени, и лишь изредка имеется запись о смерти того или

иною четвертчика в предыдущем году. Поэтому здесь мы не найдем информации о помещиках, четвертчиках Устюжской чети, погибших, например в 1613–1616 гг. А ведь эти годы нас интересуют больше всего. Учтем также, что все эти оклады указаны по состоянию на 1618 г. В 1613–1614 гг., когда данные помещики перешли на службу Михаилу Романову, их оклады были значительно меньше. Потом естественно последовали придачи за службу. Этот итоговый оклад к концу Смуты указан в данном источнике. Например, к началу Смуты у луцкого помещика Ивана Постникова Креницына был оклад 6 рублей, а к концу Смуты – уже 25 рублей. Редко удастся выяснить, когда именно и за какие конкретно заслуги данное лицо получило придачу к денежному окладу.

Среди четвертчиков Устюжской чети по состоянию на конец 1618 г. мы видим известных нам помещиков из Великих Лук Степана Андреевича Валуева и Петра Максимовича Лукомского. Они имели самые большие оклады – по 50 рублей⁴³. Также значительный денежный оклад имел лучанин Майк Козлов – 38 руб.⁴⁴

Далее в списке четвертчиков идут по убыванию ряд луцких помещиков. Один из них назван «Лучанин», другой – «Луцкий помещик». Трудно сказать, в чем здесь разница. Еще труднее определить, кто из этих перечисленных служилых людей из Великих Лук к моменту составления списка служил в Невеле, а кто – в Торопце. Поэтому приведем весь список. Всего в этом списке, кроме упомянутых ранее Степана Валуева, Петра Лукомского и Майка Козлова, указаны 24 луцких помещика.

Лучане (луцкие помещики): Родион Иванович Бороздин (27 руб.), князь Семен Иванович Андомский (25 руб., про него сказано умер), Замятня Костюрин (24), Андрей Клокачов (19), Владимир Хмелев (19), Захарий Петрович Юренин (17), Степан Афанасьевич Тыртов (17), Иван Андреев Беклемишев (16), Степан Великопольской (15), Богдан Гундоров Клокачев (13), Иван Самсонов Пушин (13), Несвитай Лаптев (11), Ишук Пасынков (11), Богдан Федоров Хмелев (11), Второй Вельяшев (6), Яким Обрютин (6), Алексей Дубровин (5)⁴⁵.

Четвертчиками Устюжской чети были четверо луцких помещиков Креницыных: Иван Посников Креницын (25 руб.), Матвей Тиронов Креницын (21), Богдан Захарьев Креницын (18), Наум Васильевич Креницын (14)⁴⁶. В случае с самым старым из Креницыных, Иваном Посниковым, мы наблюдаем интересную особенность: он начинал службу накануне Смуты четвертчиком Галицкой чети, а теперь мы видим его уже четвертчиком Устюжской чети⁴⁷.

Известны также трое луцких помещиков Мякининых, получавших жалование из этой Устюжской чети. Среди них – Тимофей Мякинин (12), Данила Андреев Мякинин (9). Окул Андреев Мякинин (6)⁴⁸.

Что касается четвертчиков Галицкой чети, то источники об этих людях довольно скудные.

Сохранился отрывок Кормленной книги данной четверти. Плюсом данного источника является то, что здесь указаны служилые люди, получавшие жалование начиная с 1613 и вплоть до 1617 г., т. е. за интересующий нас период.

Однако большим минусом данного отрывка Кормленной книги как источника Смутного времени следует считать то, что в ней указаны служилые люди с минимальными окладами (от 5 до 13 рублей). А ведь большинство помещиков северо-западных регионов (псковичей, новгородцев, лучан, пусторжевцев, невялян) имели оклады в пределах 14–30 рублей. Эти люди записаны в утраченной части данной книги, восстановить их имена намного сложнее.

Луцких помещиков, получавших жалование из Галицкой чети, записано в Кормленной книге всего 4 человека. Один из них – Иван Креницын (с окладом в 12 рублей). Про него кратко сказано, что «в кормленной книге 118-го году при царе Василье оклад ему 12 рублей»⁴⁹. Это может быть как известный нам Иван Посников Креницын, ставший четвертчиком Устюжской чети, так и его однофамилец (родственник).

Другие луцкие помещики, четвертчики Галицкой чети – это Лаврентий Алексеевич Непенин (минимальный оклад 5 рублей, получил его в июле 1614 г.), Александр Васильевич Фомин (6 рублей, получил лишь в феврале 1617 г. «за торопецкую службу 123-го году»), Иван Романович Тыртов (2 рубля придачи к прежнему окладу в 5 рублей за «невельское осадное сиденье и за выход»)⁵⁰.

Еще один источник о службе лучан Михаилу Романову – это **Кормленная книга Костромской чети**, опубликованная А. Н. Зерцаловым еще в 1894 г. К сожалению, данный источник в полном объеме тоже не сохранился. В утраченной части приведены списки служилых людей (до 700 чел.), занимавших высшее служебное положение и имевших большие оклады (свыше 20 руб.). Из 4 записанных в этой книге луцких помещиков отметим прежде всего Юрия Ламаного (13 руб.) и Ивана Личинова Алексеева (11 руб.), которые отличились в боях под Невелем, Улой и Усвятами, в том числе участвовали в «Невельском осадном сидении», как и упомянутый ранее четвертчик Галицкой чети лучанин Иван Романович Тыртов. Лучанин Петр Иванович Красный отличился при обороне Торопца от поляков Гонсевского, а про другого лучанина Андрея Петровича Пасынкова ничего не сказано, за какие заслуги он стал четвертчиком: «В кормленной книге 125 году написан в 16 рублей голое имя, а почему написан, того не написано»⁵¹.

Что касается «Невельского осадного сиденья 123 г.», в котором отличились лучане Юрий Ламаной, Иван Алексеев и Иван Тыртов, то это сюжет отдельного исследования.

В феврале 1614 г. получил жалование в Москве помещик из Великих Лук («лучанин») Петр Васильевич Креницын (за что – не указано). Это еще один из представителей рода Креницыных⁵².

В феврале – марте 1614 г. в Москве находилось немало помещиков из Великих Лук. Этот город будет восстановлен лишь после окончания Смуты, а служилые люди из Лук пополнили в те годы гарнизоны других крепостей. Часть луцких помещиков служила в это время в Торопце, а другие – в Невеле вместе с пусторжевскими помещиками. Десять луцких помещиков будучи в Москве 10 марта 1614 г. в Разряде подтвердили после проведенного сыска прежний оклад И. И. Голенищева-Кутузова. Это И. Н. Арбузов, А. М. Бочкин, Г. Ф. Костянтинов, А. И. Марков, М. А. Мякинин, Ф. И. Нефедьев, Н. И. Скулеев, М. Ф. Сунгуров, И. Р. Тыртов, В. Д. Языков⁵³.

В разрядной записи за 1617/1618 г. Великие Луки еще не указаны, а луцкие помещики записаны в Невеле и Торопце. Впервые луцкие помещики в разрядной записи упоминаются в Торопце и Невеле под 7124 г. (1615/1616). В Торопце – «Лучан 27 ч.», а на Невеле – «Лучан 122 ч.». На следующий год положение изменилось. Вследствие потерь личного состава из-за частых нападений польских отрядов на Невель и Торопец, численность луцких помещиков в составе гарнизонов этих крепостей несколько уменьшилась. В Торопце «Лучан конных – живут в Торопце с разоренья 20 ч., да пеших 3 ч.... На Невле дворян и детей боярских: Лучан – живут с разоренья на Невле 106 ч.». Это же количество луцких помещиков в Торопце (23 ч.) и на Невеле (106 ч.) мы видим и в 7126 г. (1617/1618)⁵⁴.

В разрядной записи за 1618/1619 г. впервые после Смуты указаны Великие Луки и воевода этого города: «На Луках Великих воевода Григорей Иванов сын Кокорев, а с ним: дворян и детей боярских Луцких и Невельских и Пусторжевских помещиков, которые были на Невле и которые Луцкие помещики были в Торопце, всего 230 ч., атаманов и ясаулов и казаков 204 ч.; стрелцов с головою с Микитой Сумороковым да с 3-ма сотники 300 ч.; пушкарей и воротников и плотников и кузнецов 41 ч., розсыльчиков 7 ч.; посадицких людей, Лучан и Невлян по сказке Лучан же и Невлян, дворян и детей боярских: Петра Лукомского с товарищи 76 ч.». Одновременно некоторое количество луцких помещиков продолжали находиться в Торопце с воеводой Василием Вольнским: «...а с ним дворян и детей боярских Торопчан, Лучан, Холмич 322 ч.»⁵⁵.

Судя по данным разрядным записям, Великие Луки были восстановлены сразу же после окончания Смуты. После утраты Невеля, переданного польской стороне по условиям Деулинского перемирия, Луки стали одной из главных пограничных крепостей на северо-западе. Во время Смоленской войны (1632–1634 гг.) именно Великие Луки стали базой для развертывания русских войск на северо-западе страны, а лучане сыграли важную роль в успешных походах к Невелю и другим русским городам, захваченным поляками. То же самое происходило и во время очередной русско-польской войны 1654–1667 гг. Хорошо известна героическая история Великих Лук и в более позднее время.

Думается, что жителям этого города воинской славы можно по праву гордиться подвигами своих предков.

Примечания

- ¹ Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при императорском Московском университете (далее – ЧОИДР). 1907. Кн. 3 (222). С. 200–201.
- ² Там же. Кн. 2 (221). С. 9.
- ³ Челобитье жильца Ивана Иванова Голенищева-Кутузова о справке за ним поместной и денежной приращ, пожалованных царем Василием Шуйским. 1614, март // Акты Московского государства, изданные Академией наук. Разрядный приказ. Московский стол (далее – АМГ) / под ред. Н. А. Попова. СПб., 1890. Т. 1 (1571–1634), № 60. С. 96–98.
- ⁴ Жалованные и другие грамоты Польского короля Сигизмунда Московским сановникам, дворянам, детям боярским и другим лицам, на отчины и поместья, чины, денежные и хлебные оклады, дворы и пр. по случаю избрания сына его, королевича Владислава на Московский Царский престол. 1610–1612 // Акты, относящиеся к истории Западной России (далее – АЗР). Т. 4 (1588–1632). СПб., 1851. № 183–DCCCIII. С. 424.
- ⁵ Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время // ЧОИДР. 1907. Кн. 3 (222). С. 276.
- ⁶ Лист Великолуцкого наместника и воеводы Федора Плещеева Усвятскому подстаросте Юрию Каховскому, о запрещении порубежным жителям производить грабежи в Великолуцком, Невельском и Заволочском уездах. 1608, июля 15 // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ). СПб., 1841. Т. 2 (1598–1613), № 88. С. 120.
- ⁷ Отписка Бельского воеводы Богдана Собакина о поимке на Погорелом Городище мужиков с грамотами от Самозванца о задержании на дороге литовских послов. 1608, августа 3 // АИ. Т. 2, № 90. С. 121. В тексте грамоты воевода Белой назван Борис Собакин.
- ⁸ Псковская летопись / изд. на иждивении Общества любителей древностей Российских при Московском университете М. Погодиным (далее – ПЛ). М., 1837. С. 227; Аракчеев В. А. Псковский край в XV–XVII вв.: Общество и государство. СПб., 2003. С. 188.
- ⁹ Дело о даче Н. М. Плещееву жалованья за прошлые годы (Столбцы Галицкой и Владимирской Четвертей 120–126 гг.): Четвертки Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / предисл. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2, № 84. С. 300–303.
- ¹⁰ Отписка Великолуцких самозванцевых наместников и воевод князя Василия Шаховского и Петра Горяинова Усвятскому подстаросте Юрию Коховскому о невозможности выдать гетману Сапеге требуемые им деньги. 1610, июля 7 и 15 // АИ. Т. 2, № 285. С. 343–345.
- ¹¹ Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 544.
- ¹² Отписка Великолуцких самозванцевских наместников и воевод... // АИ. Т. 2, № 285. С. 343. См. также: Письма разных лиц к гетману Яну Сапеге: боярина и воеводы Федора Плещеева и наместников и воевод князя Василия Шаховского и Петра Горяинова, о снятии копий с грамоты Лжедмитрия и возвращении подлинной Сапеге; о посольстве гонцов из разных городов к Лжедмитрию; о размене пленных, о намерении Торопчан принести повинную Лжедмитрию. 1610, мая 7 // Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. № 12–LXXII. С. 79–81.
- ¹³ О смятии и междоусобии и отступлении Псковичей от Московского государства и как быша последи беды и напасти на град Псков от нашествия поганых и пленения пожар, глад, и откуда начаша злая сия быти и в кое время (далее – О смятии и междоусобии...) // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). СПб., 1851. Прибавления к псковским летописям. Т. 5. С. 70.
- ¹⁴ Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Первая половина. СПб., 1910. С. 102–103. Гл. 244. О ссылке ратных людей с Москвы.
- ¹⁵ Поход его королевского величества в Москву 1609 года // Русская историческая библиотека (далее – РИБ): в 39 т. СПб., 1872. Т. 1. Памятники, относящиеся к Смутному времени. Стб. 685.
- ¹⁶ Жалованные и другие грамоты Польского короля Сигизмунда... // АЗР. Т. 4, № 183–CCXXXIX. С. 348.
- ¹⁷ АЗР. Т. 4, № 183–CDXLV. С. 367.
- ¹⁸ Донесение польскому королю Сигизмунду III и его сыну царю Владиславу Сигизмундовичу от боярина И. Салтыкова из Новгорода. 1610 год, 17 ноября // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел (далее – СГГД). М., 1819. Ч. 2, № 209. С. 452–460.
- ¹⁹ СГГД. Ч. 2, № 209. С. 456–457.
- ²⁰ Там же. С. 459–460.
- ²¹ ПЛ. С. 227; Новый летописец. С. 102. Гл. 243.
- ²² Новый летописец. С. 102. Гл. 243.
- ²³ Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия... С. 540.
- ²⁴ См.: ПЛ. С. 230.
- ²⁵ АЗР. Т. 4, № 183–DCLXXXIV. С. 394.
- ²⁶ ПЛ. С. 228.
- ²⁷ Ответ второй Литовско-Польских послов московским царским послам на съезде под Смоленском. 1615, в конце ноября // АЗР. Т. 4, № 209. С. 478.
- ²⁸ АЗР. Т. 4, № 183–CDLX, CDLXII, CDLXIV. С. 369.
- ²⁹ Реестр жалованных листов короля Сигизмунда русским людям на вотчины и поместья. Под Смоленском, 1611 г. (Из Литовской метрики) // Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 / под ред. и с предисл. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1911. Кн. 4. М., 1911. С. 121 (3 января 1611 г.).
- ³⁰ Там же. С. 122.
- ³¹ Челобитные польскому королю Сигизмунду и королевичу Владиславу. 1611 // РИБ. СПб., 1875. Т. 2, № 172–1. Стб. 698–699.
- ³² Бельский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 259.
- ³³ АЗР. Т. 4, № 183–DCCLXXV. С. 412.

- ³⁴ АЗР. Т. 4, № 183–DCCLXXIX. С. 414.
³⁵ Там же. № 183–DCCLXXXI. С. 414–415.
³⁶ Там же. № 183–DCCXCII. С. 419.
³⁷ Там же. № 183–DCCLXXVII. С. 413.
³⁸ Там же. № 183–DCCLXXVI. С. 412–413.
³⁹ Там же. № 183–DCCXC. С. 418.
⁴⁰ Там же. № 183–DCCLXXXVI. С. 417.
⁴¹ Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столпы Печатного приказа) / под ред. Л. М. Сухотина. М., 1915. С. 85.
⁴² Там же. С. 45.
⁴³ Расходная книга Устюжской чети 127 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ. М., 1912. Т. 28. Стб. 691, 692.
⁴⁴ Расходная книга Устюжской чети 127 г. // РИБ. Т. 28. Стб. 697, 698, 700.
⁴⁵ Там же. Стб. 706, 708, 710, 717, 720, 722, 725, 729, 730, 734, 741–743.
⁴⁶ Там же. Стб. 708, 714, 719, 727.
⁴⁷ Кормленая книга Галицкой Четверти 7112 г.: Четвертки Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / предисл. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 33.
⁴⁸ Расходная книга Устюжской чети 127 г. // РИБ. Т. 28. Стб. 732, 737, 743.
⁴⁹ Кормленая книга Галицкой Четверти 7121–25 гг. // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 86.
⁵⁰ Там же. С. 180, 171, 154.
⁵¹ Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 годов / публ. А. Н. Зерцалов // РИБ. СПб., 1894. Т. 15. С. 2, 54, 92, 119.
⁵² Расходная книга товарам и вещам 1613–1614 гг.: Приходно-расходные книги Казенного приказа // РИБ. Т. 9. СПб., 1884. С. 211, 246.
⁵³ Челобитые жильца Ивана Иванова Голенищева-Кутузова... // АМГ. СПб., 1890. Т. 1, № 60. С. 96–98.
⁵⁴ Книги разрядные по официальным оных спискам : в 2 т. Т. 1 (1614–1627). СПб., 1853. Стб. 175, 176 (за 1615/1616 г.); Стб. 387, 388 (за 1616/1617 г.); Стб. 523, 524 (за 1617/1618 г.).
⁵⁵ Там же. Стб. 643.

УДК 94 (47)+929 Кавелин

«ИСТОЧНИК ВСЕХ ИДЕАЛОВ – НРАВСТВЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ»: К. Д. КАВЕЛИН В ДИСКУССИЯХ О НРАВСТВЕННОСТИ, РЕЛИГИИ И ИСКУССТВЕ (70–80-е гг. XIX в.)

О. В. Кочукова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: kochukovasgu@mail.ru

Статья посвящена анализу публицистических произведений К. Д. Кавелина, в которых отражены его этико-философские и эстетические взгляды. На примере взглядов Кавелина подчеркивается значение дискуссий о нравственности, религии и искусстве в контексте интеллектуальной жизни образованного общества в эпоху Великих реформ.

Ключевые слова: К. Д. Кавелин, общественное мнение, образованное общество, этика, искусство.

«The Source of all the Ideals is a Moralist»: K. D. Kavelin in the Discussions on Morality, Religion and Art (70–80 ies XIX century)

O. V. Kochukova

The article analyzes the op-ed pieces of K. D. Kavelin, which reflect his ethic, philosophic and aesthetic views. By the example of Kavelin's views the importance of the discussions on morality, religion and art in the context of the intellectual life of educated society in the era of the Great Reforms is emphasized.

Key words: K. D. Kavelin, public opinion, educated society, ethics, art.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-137-144

Вторая половина XIX века в России была не только эпохой Великих реформ и острых обще-

ственных дискуссий на социально-политические темы, но и временем напряженной духовной работы в нравственно-этической сфере. Обсуждение философско-этических, нравственно-религиозных и эстетических вопросов представляло собой самую сложную и важную сферу общественного сознания, учитывая ее непосредственную близость к смысложизненным и ценностным ориентирам в пространстве личной жизни человека. Среди текстов, созданных современниками, которые отразили их размышления, переживания и эмоции по поводу «вечных вопросов», внимание исследователей должны привлечь публицистические произведения видного общественного деятеля России К. Д. Кавелина (1818–1885). К. Д. Кавелин принял самое активное участие в дискуссиях современников о нравственности, религии и искусстве. Примечательно, что большинство работ, написанных им в 1870–80-е гг., было посвящено проблемам философии, этики, психологии («Задачи психологии», «Задачи этики», «Наш умственный строй», «Злобы дня» и др.). В одном ряду с ними находятся два очерка, специально посвященных русскому искусству: «О задачах искусства» (1878) и «Мефистофель Антокольского» (1880)¹.

Можно обозначить некоторые причины, которые могут определять исследовательский интерес в отношении воззрений К. Д. Кавелина в сфере этики и искусства. Во-первых, они представляют